

"В.В. Маяковского — великого революционного поэта, замечательного революционера поэтического искусства, неутомимого соратника рабочего класса, горячо приветствует "Печать и революция" по случаю 20-летия его творческой и общественной работы." Страница с приветствием и портретом юбиляра по распоряжению главного редактора журнала была выдрана из всего тиража. Не вынута, а именно "выдрана" — так писало и говорилось десятилетия, этим "выдрана" подчеркивалось активное участие врага народа А.Б.Халатова в гнусной травле поэта.

Расстрелянный в 1938 году Артемий (Арташес) Баградович Халатов давно реабилитирован. "Хрестоматийный" глянec с Маяковского, казалось, решительно снят. Однако совсем недавно, в телепередаче, посвященной 100-летию со дня рождения поэта, вновь прозвучало: была "выдрана" страница, и снова авторы передачи пытались навести на жутковатое — общественное и творческое — лицо Владимира Владимировича некий романтический глянec.

В юбилейные дни многие говорили о Маяковском так, будто последние годы к его портрету ничего нового не добавили. Если бы такой тенденции не намечалось, я бы промолчала. Но она намечалась, и потому, как говорится, прошу слова!

Начну с "выдранный" страницы. Приветствие Маяковскому в журнале "Печать и революция" появилось без согласования с главным редактором журнала.

Не говоря о неуместно льстивых эпитетах, Халатова, надо думать, обескуражило и возмутило "приветствие по случаю 20-летия". Печатались поэт начал с 1912 года. Так как же можно поздравлять с двадцатилетием, когда творческой работе еле-еле восемнадцать набирается?

Почитатели Маяковского, обвиняя Халатова, объясняли: "Поэт считал началом творческой деятельности первые стихи, отобранные у него надзирателями Бутырки в 1909 году..."

Но кто эту тетрадку со стихами видел? Кроме надзирателей — никто. Вольно Маяковскому считать началом творческой деятельности 1909 год, но, согласитесь, у Халатова были все основания с ним не согласиться.

Не помню, кто из выступавших по телевидению назвал поэму "150 000 000" романтической, а отрицательный отзыв о ней В.Ленина упомянул с горькой улыбкой: вот, дескать, как "романтический" Маяковский оценивался заземленным политиканом Ильичем! И ни слова о том, что поэму передал Ленину сам автор. Ни слова о дарственной надписи автора, да еще с "комфутским" (коммунистическо-футуристическим) приветом!

Владимира Ильича мы сегодня так изживали, что любое его утверждение встречает насмешку и отпор. Если "150 000 000" Ленину не понравилась, — значит она уж как новаторски романтична и хороша! С моей же точки зрения, "150 000 000" — сочинение не романтическое, а просто бредовое. С имперским алчным аппетитом. "Кремлевский мечтатель", разумеется, мечтал о всемирном господстве коммунизма, но был достаточно умен, чтобы в 1919-1920 годах не орать об "Иване, шагающем пешкодером" через океан. А у Маяковского: "Иван (через царства) шагает по крови..."

"Взор, глупость, махровая глупость и претенциозность" — это Ильичем еще мягко сказано.

В статье "Самоубийство Маяковскому могли внушить", опубликованной в "Известиях", Константин Кедров уверял, что в "Бане" в сатирическом образе главноначальства Победоносикова Маяковский высмеял Сталина и тем самым навлек на себя его гнев.

Уважать Маяковского за "Баню" нельзя (позже объясню почему), искать сходство Победоносикова с Иосифом Виссарионовичем — мартишкин труд. Победоносиков слеплен, и крайне неудачно, из "Товарища Копытко" (кинокомедия Маяковского "Товарищ Копытко, или Долой жир") и реально су-

Полонский. Сведение литературных счетов с этими мелкими сошками и битие уже разбитых Троцкого — Луначарского Сталина, возможно, позабавило, шуточки по адресу Горького — наверняка разгневали и возмутили.

"Я показываю наши достижения, как люблю говорить Алексей Максимович..." "Привет! Наше вам и нашим достижениям". Что это, как не издевательство над Горьким, выпускавшим журнал "Наши достижения"?

Не утверждаю — предполагаю: после злополучной "Бани" Иосифу Виссарионовичу пришла в голову мысль — а не пора ли от Маяковского избавиться? В его стихах и поэмах неоднократно о самоубийстве говорено, так почему бы ему и на самом де-

Максимовичу Горькому" Владимир Владимирович, сожалея о Горьком-эмигранте, спрашивает его: "Думаю/с Капри/с горки/Вам видней?"... "Или/с Вами/начали дружить/по саду/ползущие ужи?"

И вот теперь, в тридцатом: "ваши и наши достижения"...

А надвигалось сорокалетие творчества Горького. Сталин намеревался это мероприятие провести как всеобщее ликование, чтобы выманить и не отпустить друга дорогого Алексея Максимовича обратно под крыло Муссолини. Уверена: Сталин все переименования загода обдумал и в мыслях утвердил.

Лоб у Иосифа Виссарионовича был низкий, а pomysлы высокие. Он уже почти построил социализм в одной

провала "Бани" и в Ленинграде и в Москве измученного болезнями и неудачами с женщинами подтолкнул к самоубийству провокационными вопросами типа: "Маяковский, когда Вы застрелитесь?" Или... не дождавшись самоубийства, сочинить из черновых заготовок стихов и случайно оброненных фраз посмертное письмо, выдержанное в стиле эпатажа раннего Маяковского: "Товарищ правительств!... Моя семья: мама, сестры, Ляля Брик и Вероника Витольдовна Полонская..." И когда Полонская уедет на репетицию, войти в "комнатенку-подочку", застрелить Маяковского, потом затаиться в уборной или в ванной и черным ходом уползти.

Государственный музей

Яковский назвал поступок Бориса Пильняка, опубликовавшего повесть "Красное дерево" за рубежом, "фронтальной изменой". Как карается фронтальная измена, объяснять не надо. Ранее, 19 января 1922 года, в Политехническом музее "Маяковский чистит поэзию". Чистятся поэты, поэтессы, поэтезики с фамилиями на А.Б.В.Г.Д.Ж.З.И.К. Невяка не освобождала от чистки. "Поэтезики" Ахматова не являлись. Маяковский предложил собранию: "Вычистить Ахматову из поэзии на три года"... "пока не исправится". И "поднятием рук" Ахматову ВЫЧИСТИЛИ. Мило? И совсем не жестоко!

О болезнях и маниях Маяковского много написано. Повторю для тех, кто не чи-

ЛЕСТНИЦА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

ществовавших людей, а именно: Льва Давидовича Троцкого и Анатолия Васильевича Луначарского.

О приметах Троцкого в Победоносикове писал в 1949 году искусствовед А.Февральский: "...в характеристику основного объекта своей ярости — Победоносикова — Маяковский ввел отдельные черты врага народа Троцкого... Фраза Победоносикова 'Не теряйте политики дальнейшего придела' повторяет фанфаронскую фразеологию Троцкого'".

С Луначарским сходство не только в речах...

Молодая супруга Анатолия Васильевича актриса Наталия Розенель опаздывала на поезд, и Луначарский задержал его отправление на 15 минут. За что его и сняли "по собственному желанию" с поста Наркомпроса. Конечно, это был лишь предлог (Луначарский давно Сталину поднадоел), но предлог основательный. Чтобы жениться на молодой беспартийной Наташе, Анатолий Васильевич оставил жену-партийку. Женитьба на Розенель была мезальянсом.

Мезальянс — неравный брак. Большинство вождей тех лет французским владел, и для них, а не для рабоче-крестьянского зрителя Маяковский назвал секретаря-стенографистку Мезальянсовой. С нею Победоносиков собирается на курорт, ради нее желает угробить жену-партийку.

Требуя задержать "машину времени", Победоносиков кричит: "Я останавливаю поезд по государственной необходимости, а не из-за пустяков!" Троцкий выдворен, Луначарский снят, издеваться над ними — самый подходящий момент. Но можно ли за это уважать автора? Ладно, Троцкий. Он никогда поэту не покровительствовал. Но Луначарский? Сколько восторженных речей он обрушивал на талантливого милого Володю! Как суетился, защищая "Мистерию Буфф" от наскоков "комиссара по делам театров", подруги Горького М.Андреевой! И все забыто?

Сталин на провале "Бани" не присутствовал, ГОСТИМ (театр Мейерхольда) не пошел. Но с новинками литературными Сталин знакомился. Думается мне, "Баню" прочитал, угадал, кто есть кто в Победоносикове, возможно, сообразил, что репортер Момен Тальников ("т" выделено мной. — МВ), лебезящий перед американским шпионом, — критик Тальников, не жалующий Владим Владимича, а подхалимствующий перед Победоносиковым Бельведонский — недавно раздраженный троцкист Вячеслав

ле не застрелиться? Чем же мешал Маяковский Сталину?

...Общезвестно: встретившись с Маяковским, Горький отделил его от хулиганов-футуристов, увидел в нем большого талант и, можно сказать, по-отчески возлюбил. Спасая от фронта, пристроил в автомобильную роту чертежником. Но вот однажды с Кронверкского проспекта выскочила и пошла гулять по Петрограду слетения, оскорбительная для Маяковского (передавать ее не стану — неправдоподобно и грязно). Возможно, в ответку (а может быть, просто так, играючись) в "150 000 000" Маяковский написал такие строчки: "В 'Полное собрание сочинений' /как в норки, /классики заблудились, /но жалости нет! /Напрасно! их /наседки /Горький, /прикрыл /распустив ИЗНОШЕННЫЙ АВТОРИТЕТ!". (Выделено мной. — МВ.)

Нина Берберова в "Железнодорожные женщины" вспоминает: "27 октября 1922 года в Берлине, в кафе 'Ландграф', на докладе Шкловского 'Литература и кинематограф' во время прений при упоминании имени Горького Маяковский встал и громовым голосом объявил, что Горький — труп, он сыграл свою роль и больше литературе не нужен". В стихотворении "Письмо писателя Владимиру Владимировичу Маяковскому писателю Алексею

стране, прикрепил рабочих к заводам и начал прикреплять крестьян к колхозам. Многомиллионную армию зекос согнал на социалистические стройки. Нужен был авторитет, который все эти деяния одобрит и высоким именем осязает. Сделать это, по задумке Сталина, должен был Максим Горький, выходец из гущи народной. Так нужен ли на грандиозном юбилее Маяковский? Шестидесятилетие Горького он шутками отметил, поздравительной телеграммы не прислал. А как на город Горький отреагирует? Да он от зависти и злобы такие "рифмы острот" в юбилея всадит, что старику только бы ноги обратно в Италию увести!

В 1935 — 1936 годах Сталин руками Николая Ежова поднимет уже покойного и потому не опасного Маяковского на вершину к еле живому Горькому (его дни уже Сталиным сочтены). "Величайшие" и "талантливейшие" покойнички дружной парочкой зашагают по учебникам. Но это потом. А в тридцатом Маяковский Сталину ох как мог помешать. Так думают многие.

Убили Маяковского или он сам наложил на себя руки, точно уже не узнать. Мы можем только строить догадки и перебирать сценарии возможного хода событий. Если Сталин решил избавиться от поэта, то — как? Например, после обидно-унизительного

Маяковского (ГММ) версию, что Маяковского убили, начисто отвергает. Дескать, исследования последних лет неопровержимо доказывают: поэт сам лишил себя жизни. Однако многое заставляет в самоубийстве сомневаться. Суэта вокруг трупа — то он лежит ногами к двери, то головой к двери: зачем и кому понадобилось перекладывать тело? Суэта с "посмертным письмом". Яков Саулович Агранов — напомним: начальник секретно-следственной части ОГПУ — прочитал письмо собравшимся возле мертвого тела и спрятал. Почему не показал?

В своих воспоминаниях Вероника Витольдовна Полонская противоречива. То она, услышав выстрел, не помня себя, стала метаться по коридору, пока не нашла входную дверь и не убежала (это давняя байка). То, услышав выстрел, вернулась, Маяковский еще дышал, она вызвала "скорую помощь" и... уехала на репетицию. От умершего на ее руках возлюбленного уехать на репетицию, какую бы-то ни было ответственную? Но это же невероятно! Невольно приходит на ум: следователям, которые допрашивали актрису, было нужно, чтобы она выстрел услышала. Такое признание подтверждало факт САМОУБИЙСТВА. В апреле тридцатого Полонская сказала то, что от нее требовалось. Признаться через десятилетия во лжи стыдно, вот она и продолжает твердить, делая из себя злодейку, нелепицу!

Впрочем, его отношения к Маяковскому даже неопровержимо доказанный факт САМОУБИЙСТВА не изменят.

Последние исследования (не ГММ) показывают: О.М. Брик и Л.Ю. Брик были долгие годы сотрудниками ЧК — ГПУ. В последние дни жизни Маяковского в пустой квартире на Гендриковом (Брики в отъезде) жил Лев Гилеревич Эльберт — резидент, участник похищения и убийства генерала Кутепова в Париже. Он проводил время в задушевных беседах с Владимиром Владимировичем. И есть предположение, что он же его и застрелил!

В ГММ я выяснила: право на ношение оружия и револьвер Маяковский получил в 1918 году от товарища Петерса — зампреда ВЧК. Петерс говорил: нам нет времени судить, мы расстреливаем на месте. Не отсюда ли знаменитое: "Ваше слово, товарищ Маузер!"

Да, похоже, среди чекистов поэт был своим. И многому "полезному" у них научился. Нет, он не убивал — разве только себя, но большевистская жестокость видна и в поэзии, и в делах поэта. Ма-

тал: опасаясь микробов, Маяковский брался за дурные ручки только через полупиджака, пил воду — только кипяченую и только из своего стакана. На гастрольях возил с собой надувную ванну и мылся только в ней. Опасаясь нападения, не расставался с кастетом. Очень часто: «то грипп, то инфлуэнца, ноги тянет — руки леньятся»... И еще то, о чем мемуаристы и биографы Маяковского молчали и молчат. Даже Юрий Карбышевский в блистательной книге "Воскресенье Маяковского", подойдя вплотную к запретной теме, умолкает. Из деликатности, должно быть. Мне думается, поскольку эта болезнь Маяковского определила во многом и его творчество, и поведение, об этом стоит сказать.

При бешеном темпераменте и неистовом воображении Маяковский как мужчина был упрям. Об этом знали, догадывались многие. Другая, сочувствуя, шептала: заглазно. Враги в ответ на его словесные удары, наверное, что-нибудь обидное и в глаза лапали. В поэме "Про это" (Ляля на испытательный срок его отторгла, "комнатенка-подочка" — залита слезами) Маяковский истерически выкрикивает:

И так я калека в любовном болении! ...В некоторых стихах и поэмах — "Облако в штанах", "Флейта-позвоночник", "Люблю" — больная душа Маяковского все же была душой великой. И порой по своей стихотворной лесенке он поднимался до гениальности. В жизни же часто был мелок, жалок, злобно завистлив, обидчив.

В 1929 году профессор Георгий Шенгели издал книжечку "Маяковский во весь рост". Если бы в свое время я ее не одолела, книга Юрия Карбышевского стала бы для меня открытием. Ибо очень многое из того, что открывает в Маяковском Карбышевский, открыл и исследовал Георгий Шенгели шестьдесят четыре года назад. Оканчивается книга строгим приговором: "Бедный идеями, обладающий сужением крутозрением, ипохондричный, нервистический, слабый мастер — он вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него". Книжипа, именуясь клеветнической, была изъята из библиотек. Если она не бесследно исчезла, в год Маяковского ее нелпохо бы переиздать. Издательств у нас хватает, может быть, какое-то рискнет вместо очередной порнухи напечатать спорную, но любопытную книжку современника Маяковского, показавшего его без прикрас — ВО ВСЕ РОСТ!

Маргарита ВОЛИНА.